

В поисках ускользающей красоты

В Рыбинском музее-заповеднике начала работу выставка редкого уровня: настели и гравюры зрителям представил известный петербургский график, член Санкт-Петербургского отделения Союза художников России Андрей Бодров.

Тихие улицы, затенённые парки, набережные Невы и Сены. Липы обронили последние листья, и они затерялись под ногами случайных прохожих, стёрлись в потоках дождя. Осталась лишь картинка-воспоминание, тонко прорисованная на мокром стекле придорожного кафе. Картинка, полная мягкой, душевной грусти, дышащая прелестью этой ускользающей дождевой мелодии. В неё хочется спрятаться, как в пушистый плед, и, согреваясь маленькими глотками обжигающего кофе, смотреть в небо...

Андрей Бодров родился в 1968 году в Ленинграде. Его путь в искусство начался с изостудии Дворца пионеров, продолжился в нескольких питерских студиях. Андрей учился мастерству у разных педагогов. Учителями его были мастера высочайшего уровня, увидевшими в молодом человеке яркое дарование и сумевшими его развить.

- Оба мои наставника окончили Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина – говорит Андрей Бодров. - Мой основной учитель – Анатолий Захарович Давыдов. Он классик ленинградской графики. С ним мне довелось общаться на протяжении двадцати лет. Вторым художником, тоже являвшимся типичным представителем ленинградской школы графики, - Леонид Григорьевич Башков. С ним я занимался офортом и рисунком. Он в своё время преподавал в том же институте им. И.Е.Репина. Оба педагога дали мне очень много – и в профессиональном, и в личном плане.

Маленькие питерские дворики. Деревенские дома с чуть покосившимися заборами, утопающие в русских снегах. Деревья с облетевшими кронами – их чёрные остовы на белом фоне выглядят тревожно-динамичными и изящными, как арабская вязь. Андрей Бодров любит монохромность: избавленная от полутонов гибкая чёрная линия делает образ иллюзорным и одновременно чётким, запоминающимся. Таковы, например, рисунки Андрея в стиле ню, некоторым образом напоминающие работы Матисса и Пикассо. Уверенная линия будто прорезает пространство, являя миру силуэт новой Венеры, лик красоты, в которой соединились земное и небесное. Сюжет в работах Бодрова внешне неброский: мастер погружается в глубинное изучение внутренней сути предмета, его удивительное композиционное единство с другими предметами, в их особый мир.

Владея разными художественными техниками гравюры, в числе которых – акватинта, монотипия, мягкий лак, художник особую симпатию испытывает к технике сухой иглы. Отличительная особенность её в том, что гравирование производится механическим способом острыми стальными иглами непосредственно на металле и не связано с применением травящих жидкостей. Этим и объясняется название. Техника относится к виду глубокой печати: изображение оттискивается из углублённых мест печатной формы. Оттиск гравюры сухой иглы отличается исключительно красивым, сочным и бархатистым штрихом.

- Когда видишь технику сухой иглы, невольно возникают ассоциации с японской традиционной графикой. Чем обусловлен ваш выбор?

- Японская гравюра мне нравится, но когда я делал сухую иглу, о ней, если честно, не задумывался. К технике сухой иглы меня подтолкнул Анатолий Давыдов, мой учитель. Она мне как-то сразу понравилась. Кроме того, она соответствует моим организационным возможностям. Ведь традиционный офорт изготавливается путём травления кислотой. Я же много делаю в домашних условиях – с кислотой работать в доме не хочется. По понятным причинам. А сухая игла для домашних условий вполне подходит.

- Гравюры – в единственном экземпляре?

- Нет, но их нельзя бесконечно много печатать, поскольку сухая игла, в отличие от офорта, где используется метод травления, не выдерживает большого количества оттисков. Бархатистость линии связана с тем, что края самой линии получаются неровными, рваными. Естественно, когда несколько раз печатаешь, это всё начинает «садиться», и изображение, грубо говоря, начинает пропадать. То есть, по пятьдесят-сто оттисков, как в случае с травлёным офортом, не напечатаешь.

Действительно, кропотливая техника сухой иглы, вовлекающая мастера в многочасовое гравирование на медной пластине, даёт удивительное тягучее, слегка расплывчатое изображение. Эстамп напоминает рисунок тушью или углём, слегка подвергшийся воздействию влаги. Кажется, ещё мгновение, и он утечёт в небытие, смываемый дождём. Есть в этом подходе удивительное ощущение сиюминутности жизни, переживания чарующей Красоты. Вот сейчас она рядом, а через миг вспорхнёт крыльями бабочки и растает в бесконечных небесных высотах, возвратясь туда, откуда любезно показала свой лик. Вода и воздух, живой эфир. Он набегает волнами, чуть обрисовывая контуры людей и вещей, и вновь исчезает, оставляя в душе устойчивое ощущение зыбкости видимой реальности. Это не просто изобразительное искусство, это видимая философская лирика.

Соединение художественного и поэтического начал в творчестве Андрея Бодрова не только разножанрово в рамках техник гравюры: художник создаёт натюрморты, пейзажи, интерьеры, ню. Его творчество охватывает и разные виды графики. У него, к примеру, есть замечательной красоты пастели. В них – тот же взгляд лирика-философа, ценящего мгновение жизни, но переданный в цвете. За основу работ Бодров нередко берёт серый цвет листа – в руках художника он постепенно начинает «светиться», волнуя эмоции зрителя возвышенной чистотой образов.

За годы творчества Андрей Бодров стал участником более 50 художественных выставок в России и за рубежом. Он постоянный участник графического салона «Любитель эстампа».

С 2000 года является членом Союза художников России. Работы Бодрова находятся в частных собраниях США, Финляндии, Франции, Швейцарии.

В январе – феврале этого года персональная выставка работ Андрея Бодрова проходила в Итальянском зале Российской академии художеств Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Теперь с его искусством могут познакомиться жители и гости Рыбинска.

- Основой для этой выставки, - говорит Андрей Бодров, - стали мои работы, показанные зимой в Итальянском зале академии художеств. Однако в новую экспозицию включено немало других работ. Она сделана специально для рыбинского музея. Для меня большая честь быть сюда приглашённым.

На открытии выставки Сергей Овсянников, заместитель директора Рыбинского музея, кандидат искусствоведения, отметил ещё одну особенность творчества Андрея Бодрова: «Меня удивила разносторонность художника. При первом взгляде на его работы,

возникло чувство, будто они сделаны разными и людьми. Однако более пристальным взглядом улавливаешь их внутреннее родство». Недавно избранный руководитель Рыбинского отделения Союза художников России Александр Григорьев отметил особую интимность, лиризм творчества Андрея Бодрова. При этом подчеркнул: «Почаще бы видеть такие не провокационные работы, в которых художник отстраняется от довлеющего мира, старается быть свободным, самим собой».

Особым подарком петербургского гостя рыбинскому музею стали более десятка офортов из его собрания. Они вошли в фонд произведений современного искусства.

Ирина Алексеева